
Первая страница, или Смерть на юбилее
Уютный детектив
ЗАРЯ 90 лет
Заря-
Юбилей издательства «Заря» 90 лет
Дом творчества «Заря» Посёлок Лопатино
Серия «Красный карандаш» книга 27

Милана Панова

Первая страница, или Смерть на юбилее

«Автор»
2026

Панова М.

Первая страница, или Смерть на юбилее / М. Панова — «Автор», 2026

Наставница Нины, Нина Фёдоровна, исчезла из пансионата вместе с седым мужчиной в очках, оставив записку «Теперь ищите первую страницу». Теперь корректора с мужем и котом зовут на 90-летие издательства «Заря» в старый дом творчества на берегу Нерли. Там собрались все, кто работал в «Заре» в разные годы. В витрине музея лежит «подлинный» первый номер альманаха 1936 года. Только на последней странице стоит знак , которого в СССР тогда не было. Накануне признания бывший главный редактор погибает в архиве между сомкнутыми стеллажами. Ледоход смыл мост, и все остались заперты. Читать можно отдельно от предыдущих частей.

© Панова М., 2026
© Автор, 2026

Милана Панова
Первая страница, или Смерть на юбилее

Первая страница, или Смерть на юбилее
Серия «Красный карандаш», книга 27

Глава 1. Первая страница

Если вам когда-нибудь скажут «ищите первую страницу», не торопитесь соглашаться. Первых страниц у любой истории бывает несколько: титульная, авантитул, форзац, шмуцтитул и, наконец, та, на которой всё начинается по-настоящему. Её обычно приходится вычитывать последней.

Три недели после «Тихой гавани» мы с Андреем жили странно, как живут люди, потерявшие что-то и не знающие, где искать. Нина Фёдоровна, моя наставница, женщина, которая подарила мне красный карандаш «ЗАРЯ. 1936» и научила не доверять ни одной запятой, исчезла из пансионата вместе с высоким седым мужчиной в очках. Он оставил карточку, подписанную «К. Л.», и фразу: «Вы нашли вторую страницу. Теперь ищите первую».

Серёга объявил её в розыск как «лицо, пропавшее при невыясненных обстоятельствах». Это была формула, а не надежда. Все понимали, что Нина Фёдоровна села в машину сама, улыбаясь, и подписала бумаги твёрдой рукой. Люди, которых похищают, не улыбаются. Люди, которые едут навстречу давно ожидаемому, улыбаются.

— Он её не тронет, — сказала я Андрею на третий вечер. — Не знаю почему, но уверена.

— А если ошибаешься?

— Тогда я перестану быть корректором.

Он промолчал. Мы сидели на кухне, пили чай, Эклер дремал на подоконнике, и за окном капало с крыш: в Москве шла оттепель, грязная, шумная, обещающая всё и ничего.

Утром следующего дня курьер принёс на адрес «Дымовой и Ко» плоскую картонную коробку, перевязанную бечёвкой. Маргарита Викторовна позвонила мне в половине десятого, и я услышала по её голосу, что она держит коробку на вытянутых руках.

— Нина Сергеевна, вы сидите?

— Стою.

— Тогда сядьте. Он прислал открытку.

Мы были в издательстве через сорок минут. Андрей приехал следом, отпросившись на час. Коробка лежала на столе, раскрытая. В ней, на белой бумаге, лежали три предмета.

Первый: тонкая кремовая карточка с золотым обрезом, на которой красным карандашом было выведено: «Нине Платоновой-Громовой, её мужу и её коту. Всех троих ждут на юбилее».

Второй: билет. Не театральный, а железнодорожный, в старом стиле, из плотного картона, с надпечаткой: «Дом творчества «Заря». Посёлок Лопатино. Встреча коллектива издательства «Заря» к 90-летию. Заезд с ночлегом, три дня».

И третий: чёрно-белая фотография. Знакомая: четверо молодых людей на фоне типографского станка. Но в этот раз она была обрезана справа, так что от четвёртого, коренастого, остался только край плеча. А слева, на месте, где раньше был край снимка, вставлена полоска: чуть более светлая, чуть чужая, с неровным краем. На ней виднелась рука. Чья-то рука с красным карандашом, чуть слепая от вспышки: как будто фотограф на секунду шагнул в кадр.

— Он нас приглашает, — сказала Маргарита Викторовна. — На юбилей «Зари».

— Не нас. Меня.

— Он написал «всех троих».

— Он не может позвать меня одну, это неприлично. — Я подняла фото к свету. — Смотрите. Это пятый. Тот, кто держал аппарат. Он вошёл в кадр.

— Что это значит?

— Что он хочет, чтобы я увидела: он существует.

— Вы поедете?

— Да.

— Это опасно.

— Это единственный способ узнать, где Нина Фёдоровна.

Андрей, молча слушавший у окна, повернулся.

— Я позвоню Серёге. Он пошлёт кого-нибудь.

— Он не найдёт ничего, — сказала я. — Лопатино это сорок домиков в лесу, с одной дорогой. Любой человек, который туда поедет, будет виден за версту. Нас ждут. Нужно ехать так, как приглашено: открыто, втроём.

— Нина, это может быть ловушкой.

— Конечно, это ловушка. — Я положила фотографию на стол. — Я иду в неё с котом и мужем-полицейским. Если это ловушка, то неудачная.

— Нина Сергеевна, — тихо сказала Дымова. — А вам не страшно?

Я подумала.

— Страшно. Но больше мне страшно за неё. Ей восемьдесят.

— Ей восемьдесят пять, — поправила Дымова, и в голосе её вдруг, едва заметно, промелькнуло что-то личное. — Она однажды вычитывала мою первую книгу. Я была двадцатипятилетней дурой. Она вернула мне рукопись, исчёркала красным, и на последней странице написала: «Хорошо, но вы не умеете останавливаться. Научитесь».

— Научились?

— До сих пор нет.

Мы засмеялись. Это был нервный, короткий, одинокий смех людей, которые знают, что идут туда, куда лучше не ходить.

— Хорошо, — сказал Андрей. — Поедем. Но по-моему плану.

— Каким?

— Вы будете вести себя как гости. Я буду вести себя как муж гостьи. И каждый вечер я звоню Серёге с отчётом. Если связь пропадёт, он едет.

— Согласна.

— И ещё. — Он повернулся ко мне. — Нина. Когда мы приедем, ты не будешь одна. Ни минуты. Ни за какой дверью.

— Договорились.

— Я серьёзно.

— Я тоже.

Он посмотрел на меня долгим взглядом и кивнул.

Глава 2. Лопатино

Посёлок Лопатино стоит на высоком берегу реки Нерли, в двухстах километрах от Москвы, в той полосе средней России, где леса уже сменились мелколесьем, а поля ещё не стали настоящими. Дом творчества «Заря» построили в пятидесятых годах для писателей и издательских работников: два длинных жёлтых корпуса, соединённых застеклённой галереей, столовая с колоннами, клуб с эстрадой, и немного в стороне, в глубине липовой аллеи, одноэтажное кирпичное здание с табличкой «Музей издательства «Заря»». Всё это окружали старые сосны, и между ними были проложены дорожки, по которым, как рассказывали, когда-то гуляли с папиросами в зубах знаменитые люди.

Мы приехали в первой половине дня, в ясную мартовскую погоду, когда снег уже просел, потемнел, покрылся твёрдой коркой, а в лужах отражалось странно близкое небо. Андрей вёл

машину, Эклер дремал в переноске, и я смотрела на реку: она лежала внизу широкая, серая, ещё скованная льдом, но в середине уже темнели длинные чёрные трещины.

— Ледоход, — сказал Андрей. — Не сегодня-завтра пойдёт.

— Это плохо?

— Для дороги. Мост здесь старый, низкий. Если будет затор, воду поднимет и подойдёт к самому настилу. Тогда проехать нельзя.

— То есть мы здесь надолго?

— Или на три дня, или на неделю. Как повезёт.

— Приятная перспектива.

На стоянке у главного корпуса нас встретила молодая женщина лет сорока в вязаной жилетке поверх тонкого свитера, с короткими тёмными волосами, чуть растрёпанными на ветру, и очень внимательным лицом. На груди у неё висел бейджик: «Дина Орехова, директор музея».

— Нина Сергеевна? — Она протянула руку. — Я ужасно рада. Мы вас ждали. Я вас читала, то есть читала про вас, то есть… В общем, здравствуйте.

— Здравствуйте. Это мой муж Андрей Громов. А это Эклер.

— Ах, какой чудесный! — Она наклонилась к переноске. — У нас живут три кота, но все дикие. Они вас, наверное, обнюхают.

— Он умеет вести переговоры.

— Прекрасно. Пойдёмте, я покажу вам комнату. Вы поселитесь во втором корпусе, там тише. Все ваши коллеги уже собрались. Сегодня вечером открытие юбилея: торжественный ужин в столовой, потом экскурсия по музею, а завтра основная программа.

— Сколько всего гостей?

— Одиннадцать вместе с вами. Все те, кто работал в «Заре» в разные годы и дожил. — Она грустно улыбнулась. — Мы хотели пригласить больше, но многих уже нет.

— А Нина Фёдоровна?

Дина чуть заметно запнулась.

— Нина Фёдоровна приехала вчера. С сопровождающим. Он тоже гость, но… его сейчас нет. Он отъехал по делам.

— Какой он?

— Высокий. Седой. Очень вежливый. Назвался Кириллом Леонидовичем.

Мы с Андреем переглянулись.

— Кирилл Леонидович, — повторила я. — А фамилия?

— Не помню. — Дина нахмурилась. — Он расписался в журнале заселения. Хотите посмотреть?

Мы пошли смотреть. В вестибюле главного корпуса, на столике, лежала толстая канцелярская книга. Дина открыла на последней записи. Я прочла: «Кирилл Леонидович Л.». Дальше шла росчерк, но фамилия была сокращена до одной буквы.

— Он не любит писать полностью, — сказала Дина.

— Видимо.

— Вы его знаете?

— Нет, — сказала я. — Но, кажется, он знает меня.

Нашу комнату разместили на втором этаже второго корпуса: просторная, светлая, с двумя кроватями, диваном и огромным окном на реку. На подоконнике стояла ваза с еловыми лапами, на столе чайник и тарелка печенья. Я поставила переноску на диван, выпустила Эклера и подошла к окну.

Внизу, у реки, медленно шла по тропинке маленькая, чуть сгорбленная фигурка в красном пальто. Я не сразу поняла, что это женщина. Потом она остановилась, подняла голову, посмотрела на наши окна, и я увидела лицо.

— Андрей!

— Что?

— Нина Фёдоровна!

Я побежала вниз, не одеваясь, в одном свитере. Лестница, холл, дверь, ступеньки крыльца, плотный сырой воздух, запах хвои и талого снега. Я выскочила на аллею и увидела её: она шла мне навстречу, опираясь на тонкую трость, в красном пальто с чёрным воротником, в вязаной шапочке, из-под которой выбивались седые пряди. Лицо у неё было такое же, как всегда: острый нос, резкие морщины, тонкие, чуть насмешливые губы и ясные серые глаза, в которых никогда не было ни капли старческой мутности.

— Нина, — сказала она. Голос тот же: сухой, чуть скрипучий, с нотами, как у старого пианино. — Ты без шапки.

— Нина Фёдоровна!

Я обняла её. Она была лёгкая, как птица, и пахла лавандой и старыми книгами. Я почувствовала, что слёзы текут у меня по щекам, и не могла остановиться.

— Ну, ну, — сказала она, похлопывая меня по спине тростью. — Не распускайся. Я жива. Видишь, стою.

— Вы пропали.

— Я уехала.

— Вас увезли.

— Я сама поехала. — Она отстранилась и посмотрела на меня строго. — Нина, давай договоримся. Сейчас мы будем гулять по аллее. Я расскажу тебе то, что могу. А то, чего не могу, не спрашивай.

— Вы не можете?

— Я дала слово.

— Кому?

— Тому, кто привёз меня сюда. — Она взяла меня под руку. — Пойдём. Только медленно. У меня колени.

Мы пошли по липовой аллее, и она заговорила, глядя перед собой.

— Ты знаешь, что я работала в «Заре». С шестьдесят третьего года. Начинала корректором, потом старшим, потом заведующей корректорской. Сорок лет. В семьдесят первом нас было пятеро: я, Эмма, Витя Лавров, Боря Левин и Кирилл. Мы называли себя «пятёркой». Я была самая старшая. Эмме было двадцать семь, Вите двадцать девять, Боре двадцать четыре, Кирилл был самый младший, ему было двадцать три. Мы дружили. Мы пили чай на подоконнике и спорили о тире. Это были лучшие годы моей жизни.

— Кирилл?

— Кирилл Леонидович Лавров. Младший брат Вити.

У меня в груди что-то остановилось.

— Лавров?

— Да. — Она посмотрела на меня. — Нина, я сказала больше, чем должна была. Но ты умная девочка. Ты и так бы догадалась.

— Кирилл Лавров — это «К. Л.»?

— Это человек, который меня пригласил. — Она остановилась и посмотрела мне в глаза. — Не спрашивай больше. Завтра вечером, на торжественном ужине, я расскажу вам всё. Он обещал. Ему нужно, чтобы я рассказала при всех. Тогда это будет правдой.

— Нина Фёдоровна. Он причинил вам вред?

— Нет. Он очень добр ко мне. Он носит мои вещи. Он читает мне вслух. — Она улыбнулась. — Он единственный, кто за сорок лет не пытался меня переспорить.

— Но почему он так делает?

— Потому что ему нужно, чтобы вы пришли, — сказала она. — Не только ты. Все. Все, кто тогда работал. Те, кто остался.

— Зачем?

— Чтобы закончить одну историю.

Я хотела спросить ещё, но она подняла ладонь.

— Нина, я слишком устала. Мне нужно прилечь. Поговорим вечером.

Она повернулась и пошла по тропинке к корпусу, слегка волоча левую ногу, прямая, тонкая, упрямая. Я смотрела ей вслед и чувствовала, как в груди растёт тупая, тёплая, безнадёжная любовь к человеку, который всю жизнь учил меня не верить глазам, а верить тексту.

— Нина, — сказал Андрей, подойдя сзади и накинув мне на плечи куртку. — Ты замёрзла.

— Нет.

— Ты дрожишь.

— Это не от холода.

Он молча обнял меня. На крыльце главного корпуса стоял Эклер и смотрел на нас так, как смотрит мудрый кот на двоих людей, которые наконец-то нашли то, что давно искали, и совершенно не рады находке.

Глава 3. Выставка

В шесть вечера столовая дома творчества оказалась полна. За длинными столами, накрытыми белыми скатертями, сидели одиннадцать человек, и в воздухе стоял тот особенный, чуть приглушённый гул, какой бывает на встречах людей, не видевшихся десятилетиями: смех, вздохи, перебивающие друг друга голоса, звон ложек, шелест салфеток.

Я рассматривала гостей. Нина Фёдоровна сидела во главе стола, в тёмно-красном платье и жемчужной нитке, очень прямая, с высоко поднятой головой. Рядом с ней, чуть ссутулившись, с палкой между колен, сидел Борис Ильич Левин: он улыбнулся мне, поднял ладонь, и я улыбнулась в ответ. Его пригласили, как оказалось, ещё в январе.

Напротив них расположился Всеволод Павлович Зарубин, бывший главный редактор «Зари»: восьмидесятидвухлетний старик, грузный, лысый, с огромной головой на могучей шее, в двубортном костюме и галстуке-бабочке, и с тяжёлым, мясистым лицом человека, привыкшего, чтобы его слушали. Он сидел, опираясь обеими руками на трость с серебряным набалдашником, и когда говорил, голос звучал густо, раскатисто, с настоящими начальственными басами. Но руки у него дрожали, а на скулах проступала синеватая восковая бледность, и я с профессиональной привычкой читать подтекст подумала: он нездоров.

Дальше сидели остальные. Раиса Матвеевна Лихачёва, семидесяти шести лет, бывшая секретарь главного редактора: худенькая, быстрая, в круглых очках, с мелкими кудряшками и цепким взглядом, похожая на воробья. Михаил Яковлевич Берг, восьмидесяти лет, художник: сухощавый, в клетчатой рубашке и вельветовом пиджаке, с длинными седыми волосами, стянутыми в хвост, и пальцами, пожелтевшими от красок. Эдуард Маркович Штерн, шестидесяти трёх лет, антиквар и эксперт по редким книгам, приглашённый как почётный гость: невысокий, плотный, румяный, со вкусом одетый, в бархатном пиджаке цвета бордо, с аккуратной бородкой клинышком и тёплой, приятно рокочущей манерой говорить. И молодые: Дина Орехова, директор музея, и стажёр Павлик Сомов, двадцати трёх лет, лохматый, веснушчатый, в мешковатом свитере, который всё время краснел и ронял вилки.

Остальные трое были людьми, которых я знала хуже: пожилая пара бывших верстальщиков и худая дама, некогда работавшая в бухгалтерии.

Кирилла Леонидовича Лаврова за столом не было. Для него стоял пустой прибор с красной салфеткой.

— Для кого? — тихо спросила я у Дины.

— Для автора юбилея. Так он велел.

— Автора?

— Он оплатил этот праздник. Мы получили деньги от какого-то фонда, но распоряжается всем он. Весь план, меню, программа. Он очень требовательный.

— Он не будет?

— Вечером приедет. Так сказал.

После ужина Дина встала, постучала ложкой по стакану и объявила:

— Дорогие друзья! Сегодня мы открываем юбилей. Перед тем как вы разойдётесь отдыхать, я приглашаю вас в наш музей. Там вы увидите главную реликвию: подлинный первый номер альманаха «Заря», вышедший в ноябре тысяча девятьсот тридцать шестого года.

— Подлинный! — сказал Штерн с лёгкой, довольной улыбкой.

— Именно. Один из трёх сохранившихся.

— Два, — тихо поправил Зарубин.

— Простите?

— Два сохранилось. Я знаю. Я, как главный редактор, лично держал в руках оба.

— Всеволод Павлович, вы же сами…

— Я сказал: два. — Он посмотрел на неё тяжёлым, угрюмым взглядом. — Но посмотрим.

Что-то в его интонации заставило меня насторожиться.

Музей оказался небольшим, но уютным: два зала с высокими окнами, длинными витринами, портретами в рамах. В первом зале стояли пишущие машинки «Ундервуд» и «Москва», верстатки, шрифтовые кассы, старые ручные прессы. Во втором, в центре, на отдельной подставке под стеклянным колпаком, лежал альманах.

Он был маленький, тонкий, в серой бумажной обложке, потрёпанный по краям, слегка пожелтевший. На обложке стояло: «ЗАРЯ. Альманах. Книга первая». И ниже: «Москва. 1936». Рядом висела табличка: «Первый номер альманаха «Заря». Тираж 5000 экз. Сохранился в трёх экземплярах. Данный экземпляр подарен музею в 1987 году. Подлинник».

— Он открыт на какой странице? — спросила я.

— На титульной и последней, — ответила Дина. — Вот: колпак двойной. Мы выставили выходные данные.

Я подошла ближе. Рядом с обложкой, на второй подставке, лежал раскрытый альманах на последней странице. Типографские выходные данные были набраны мелким плотным шрифтом, как положено:

«Подписано в печать 12.XI.1936. Формат 60 × 84/16. Тираж 5000 экз. Заказ № 4417. © Издательство «Заря». Москва».

Я перечитала дважды и почувствовала, как у меня похолодели кончики пальцев.

— Что там? — шепнул Андрей.

— Ничего. — Я отступила. — Мелочь.

— Нина.

— Андрей. Я потом скажу.

Рядом с нами стоял Штерн. Он тоже смотрел на витрину, склонив голову набок, и тихо, с видимым удовольствием, говорил:

— Прекрасный экземпляр. Как жаль, что нельзя взять в руки. Я бы показал вам, молодые люди, главную прелесть: на титульном листе, видите, слово «Альманах»? В первой партии буква «м» набрана вверх ногами, и выходит «Альшанах». Знаменитая опечатка. Коллекционеры ценят первую партию именно за неё. Видите?

Я присмотрела. Слово «Альманах» было напечатано чётко, без изъянов.

— Я не вижу, — сказала я.

— Нужно приблизиться. — Он снисходительно улыбнулся. — Увы, стекло.

Я не стала спорить.

В зал вошёл Зарубин, тяжело опираясь на палку. Люди расступились. Он подошёл к витрине, постоял молча, потом медленно повернулся к собравшимся.

— Друзья, — сказал он густым, надтреснутым басом. — Я хочу сказать пару слов. Пока все здесь.

Все замолчали.

— Мне восемьдесят два года. Я прожил жизнь, которой не стыдился. Почти. — Он помолчал. — Эта книга, — он указал тростью на витрину, — главная гордость нашего издательства. Я хранил её сорок лет. И сегодня я хочу сказать правду.

Дина побледнела.

— Всеволод Павлович, — тихо сказала она. — Давайте завтра. На торжественном заседании.

— Завтра, да. — Он кивнул. — Завтра, при свидетелях. Но предупреждаю: речь будет неприятная. Я хочу попросить прощения у людей, которые из-за меня пострадали. Один из них умер. Двое присутствуют здесь. — Он обвёл зал мутным, воспалённым взглядом и остановился на Нине Фёдоровне. — Нина. Прости.

— Всеволод, — сказала она ровно. — Завтра.

— Завтра, — повторил он и тяжело двинулся к выходу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.